

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В СССР: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

О. В. Хлевнюк

СТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ*

УДК 930 (47)

ББК 63.1 (2) 6

В статье рассматриваются основные тенденции развития историографии советской истории 1930-х — начала 1950-х гг., периода, ознаменованного формированием военно-мобилизационной системы и утверждением единоличной диктатуры И. В. Сталина. Характерной чертой последних двадцати лет является кардинальное расширение источниковой базы исследований советского периода. «Архивная революция», т. е. открытие значительной части архивов советских партийно-государственных учреждений, дополняется введением в научный оборот документов личного происхождения из семейных собраний. Связанные с «архивной революцией» и с возросшим интересом к социально-культурным аспектам историографии современные работы по советской истории нацелены на изучение реальных практик социального, экономического, политического, культурного, национального развития, на исследование малоизвестных явлений и событий. Расширяется применение междисциплинарного подхода, а также интеграция различных направлений внутри самой историографии советского периода. Вместе с тем в современном историографическом процессе обнаружилось новые лакуны: преобладание интереса к социально-культурным проблемам в ущерб иным направлениям, прежде всего экономической истории, неравномерность исследования различных исторических этапов, слабое внимание к качественным параметрам развития. Преодоление таких историографических разрывов позволит определить перспективы исследования советской истории сталинского периода.

Ключевые слова: *сталинский период, советская история, сталинизм, историография, перспективы изучения*

Характерная и наиболее значимая черта новейшей историографии советского периода развития России — ее ярко выраженный историзм. События, явления и существенные особенности советского прошлого изучаются преимущественно как исторические проблемы на основании прежде всего архивных источников. Вынужденная ориентация исключительно на опубликованные директивные материалы, периодическую и мемуарные свидетельства осталась в прошлом. Вместе с этим в основном преодолены упрощенные характеристики советской системы. Учитывая опыт историко-партийной науки в СССР, а также тоталитарной и ревизионистской односторонности на Западе, новые концепции и подходы в современной историографии советского прошлого опираются на из-

учение исторической конкретики на основе широкого круга источников, хотя при этом немало заимствуют в смежных социальных науках.

Одним из проявлений этой важной тенденции историзации можно считать широкое распространение и принятие самого понятия «сталинизм».¹ Изначально оно появилось как ответ на две реальные проблемы. Первая — необходимость ослабить давление универсальных концепций, учитывать специфику каждой из тех систем, которые нередко объединялись в понятии «тоталитаризм».² Вторая — обращение к динамике советской системы, отделение сталинского этапа советской

Хлевнюк Олег Витальевич — д.и.н., в.н.с. Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: okhlevniuk@hse.ru

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100»

¹ Важной исходной точкой этого процесса было издание: *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York, 1977.

² Изучение этой специфики принимало разные формы, а на современном этапе нашло выражение в коллективных проектах, которые демонстрируют необоснованность общих схем, игнорирующих историческую реальность (см.: За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011). Здесь и далее ссылки на работы западных историков приводятся по переводам на русский язык, если таковые были осуществлены, и, наоборот, не указываются данные о переводах книг отечественных историков на иностранные языки. Этот процесс взаимных переводов достиг заметных размеров и является характерной чертой современного этапа историографии.

истории от до- и послесталинского. Развитие советской системы после смерти И. В. Сталина также давало основания для размышлений о степени ее монолитности и «реформируемости». В период «перестройки» (конец 1980-х гг.) для сторонников оптимистического взгляда на перспективы эволюции советского социализма и противопоставления сталинизма и демократического социализма наступил звездный час, впрочем недолгий. На современном этапе понятие «сталинизм», подчеркивающее специфику преходящей исторической модели, вызывает возражения разве что по политическим причинам. Однако его широкое использование, конечно, не отрицает важности изучения общих тенденций отечественного исторического процесса, в том числе тех, которые служили предпосылками для формирования сталинской системы.

Принципиальное значение для развития историографии советского прошлого в целом и феномена сталинизма в частности имело открытие советских архивов, справедливо названное «архивной революцией».³ Международное сообщество историков сравнительно успешно справилось с вынужденно форсированным освоением архивов. Последние двадцать лет были отмечены небывалым расцветом документальных публикаций, многие из которых имели принципиальное значение и способствовали как расширению доступа к архивам, так и развитию историографии. Конечно, этот «источниковый ренессанс» имел определенные негативные моменты: во многом вынужденная подготовка огромного количества сборников документов отвлекла силы и время историков от исследовательских задач, реализуемых в виде статей и монографий.

Несмотря на очевидную границу между «доархивным» и «архивным» этапами развития историографии обнаружилась более тесная связь, чем можно было ожидать вначале, когда «архивная революция» только разворачивалась. Важная причина этого — наличие или отсутствие традиций в изучении той или иной проблемной области. Освоение архивов происходило неравномерно. После открытия архивов наибольшей глубиной отличались те направления исследований сталинизма, которые являлись наиболее продвинутыми и в «доархивный» период. Примером такой пре-

емственности могут служить большие архивные проекты историков-аграрников.⁴

Если успешно развивающиеся в «доархивный» период области историографии получили в результате «архивной революции» дополнительные возможности, то многие исследовательские «заделы» только на новом этапе смогли развиваться в значимые направления. К их числу принадлежит, например, история военно-промышленного комплекса в целом и его атомной составляющей в частности.⁵ Доступ к документам имел для этого направления ключевое значение. После открытия государственных, частных и семейных архивов принципиально изменился облик социальной истории.⁶ В научный оборот вводятся такие источники, как информационные сводки о настроениях населения, составлявшиеся партийным аппаратом и органами госбезопасности, письма, жалобы и доносы, в огромных количествах сохранившиеся в архивах высших органов партийно-государственной власти, личные дневники и письма.⁷ Важной частью новой социальной истории являются работы о протестных акциях и антиправительственных выступлениях, прежде всего о массовых выступлениях в деревне и городах в начале 1930-х гг.⁸ Заметный отпечаток на такие исследования накладывает

⁴ Значимыми проектами 1990-х — начала 2000-х гг. были два взаимосвязанных издания: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. М., 1999–2004. Т. 1–5; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939. М., 1998–2012. Т. 1–4.

⁵ См.: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; Атомный проект в СССР: документы и материалы. М., 1999–2009. Т. 1–3; Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; Соколов А. К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М., 2012; Артемов Е. Т. Советский атомный проект в системе «командной экономики» // Cahiers du Monde Russe. 2014. № 55/3–4. Juillet–Decembre. P. 267–294.

⁶ Среди первых исследований социальных историков, операвшихся на новые источники, были: Фитцпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. Деревня. М., 2001; Она же. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. Город. М., 2001; Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley, 1995; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество. Политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. Сегодня социальная история превратилась в столь значительное направление, что одно лишь перечисление только его значимых работ может занять немало места.

⁷ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001–2013. Т. 1–9. Характеристику «писем во власть» см.: Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. М., 2010.

⁸ См.: Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. М., 2010; Rossman J. Worker Resistance Under Stalin. Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge; London, 2005.

³ Пихоя Р. Г. Записки археографа. М., 2016.

состояние источниковой базы. На фоне многочисленных информационных документов, относящихся к довоенному периоду (1920-м гг.) особенно заметны лакуны военного и послевоенного периодов. Каким образом и когда будут заполняться такие пробелы, пока не понятно.

Активное развитие социальной истории отражает преобладающие тенденции новейшей историографии сталинского периода. Традиционные области исторического знания — политическую, экономическую, военную историю, историю культуры — все более активно теснят исследования дискурсов, массовых настроений и представлений, эмоций, традиций, история повседневности, гендерная история и т. д. Это свидетельство того, что социальная и культурная истории берут своеобразный реванш после долгих лет преобладающего интереса к политике и экономике. Однако этот реванш, как и любой другой, порождает перегибы: социальное или индивидуальное так же легко становится самодовлеющим, как и политическое или экономическое. Используя памятную терминологию, можно сказать, что надстройка с легкостью превращается в базис и вообще «забывает» о последнем, делая вид, что существует сама по себе.

Между тем историков социально-индивидуального направления подстерегают многочисленные трудности. Прежде всего это недостаток и специфичность источников, требующих сложной критики. Отсутствие такой критики и своеобразный источниковый редукционизм очевидно присущи даже наиболее известным исследованиям, посвященным советской субъективности. Опираясь на узкую источниковую базу и игнорируя контекст самых разных явлений, они постулируют далеко идущие выводы о степени индоктринации и лояльности советского общества. Вызывает сомнения правомерность реконструкции стереотипов мышления и жизненных стратегий лишь на основе немногочисленных дневников сравнительно молодых горожан.⁹ Неплохо было бы вспомнить о том, что подавляющее большинство населения составляли крестьяне, не писавшие дневников, но существенно отличавшиеся от горожан по образу жизни и даже по своему фактическому правовому положению. Как показывают отдельные удачные опыты, источники личного происхожде-

ния важно комбинировать с другими материалами, например с данными социальной и экономической статистики.¹⁰ Существенное значение для понимания советской повседневности и социальных процессов имеют исследования по демографической истории.¹¹

Преодолению угроз односторонности, связанной отчасти с вынужденной узкой специализацией историков, несомненно, служит нарастающая тенденция размывания границ между различными направлениями историографии и формирование на этой почве комплексных подходов. Можно отметить, например, что традиционные исследования по истории культуры и науки все более трансформируются в изучение практик творческих социальных групп, их взаимодействия между собой, а также с государством и его институтами (цензурой, идеологическим контролем и т. д.).¹² Теоретические и идеологические аспекты национальной политики как объект исследования уступают место практикам ее реализации, национальному самосознанию, взаимодействию укорененных национальных и изобретенных советских традиций.¹³

Многообещающим примером историографического синтеза являются попытки формирования новой политической истории, нацеленной на исследование не только властных структур, но и практик руководства и администрирования, на изучение бюрократии как социального слоя.¹⁴ В этом же русле развивается биографика сталинского периода, правда пока еще сосредоточенная преимущественно на персоне самого вождя. Историки внешней политики все активнее выходят за рамки традиционного исследования международно-договорной деятельности. Акценты переносятся на мотивы принятия решений, на роль неформальных

¹⁰ См.: Советская жизнь. 1945–1953 гг. М., 2003; Колхозная жизнь на Урале. М., 2006.

¹¹ См.: Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000–2012. Т. 1–3.

¹² См.: Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести». «Дело “КР”». М., 2005; Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, 2006; Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. Новые исследования культурных практик опираются на значительную источниковую базу, часть которой представлена в документальных публикациях. См.: Власть и художественная интеллигенция. М., 1999; Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005.

¹³ См.: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национальности в СССР. 1923–1939. М., 2011; Smith J. Red Nations. The National Experience in and after the USSR. Cambridge, 2013.

¹⁴ Обсуждение проблемы см.: Kritika. 2004. Vol. 5, № 4: The New Political History.

⁹ См.: Hellbeck J. Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin. Cambridge, 2006.

факторов дипломатии, на взаимодействие внутреннего и внешнеполитического курса.¹⁵

В рамках экономической истории, помимо принципиально важных исследований, посвященных экономическому развитию в целом, его количественным и качественным параметрам, подготовлены работы о механизмах согласования решений и взаимодействия различных звеньев государственно-хозяйственного аппарата, о ведомственных интересах.¹⁶ Продуктом взаимодействия традиционной экономической и новой социальной истории являются публикации по истории предприятий.¹⁷

Среди исследований по истории военного периода также все более заметно укрепляют свои позиции социальные историки. Можно сказать, что современная историография войны развивается преимущественно в двух направлениях — в рамках традиционной военной истории, описывающей в мельчайших деталях ход военных действий, и истории военного социума, т. е. армии, тыла, населения оккупированных территорий, жертв и исполнителей акций геноцида и т. д. Осознание важности соединения различных историографических направлений при изучении истории Великой Отечественной войны находит свое отражение в структуре обобщающих трудов, подготовленных в последние годы. Они ориентируются не на хронологическое, а на проблемное разделение материалов, совмещают отраслевые и обобщающие подходы.¹⁸

¹⁵ См.: Зубок В. М., Печатнов О. В. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия // *Отеч. история*. 2003. № 4. С. 143–150; Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М., 2000. Один из последних примеров успешного развития этого направления см.: Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. М., 2015. Т. 1–2.

¹⁶ См.: *Decision-Making in the Stalinist Command Economy*. London, 1997; Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. Продолжает публикацию своей серии по истории советской экономики один из ведущих специалистов в этой области Р. У. Дэвис, см.: Davies R. W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy. 1931–1933*. Basingstoke, 1996; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011; Davies R. W. *The Years of Progress: the Soviet Economy, 1934–1936*. Basingstoke, 2014. В России экономической историей советского периода занимается сравнительно небольшая группа специалистов. Представление о достижениях этого направления дают публикации в ежегоднике «Экономическая история», издающемся с 1999 г. под редакцией Л. И. Бородкина и Ю. А. Петрова.

¹⁷ См.: Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005; Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004.

¹⁸ См.: Великая Отечественная война 1941–1945. М., 2011–2015. Т. 1–12.

Переплетение различных исследовательских направлений и методов характерно также для одного из самых значительных по количеству публикаций разделов историографии сталинизма — для истории государственного террора и лагерной системы. Особый интерес к этой теме был вызван как социально-политическими, так и научными причинами. Редкие проблемы истории 1920–1950-х гг. (если таковые вообще существуют) можно изучать без учета фактора террора. Понимание системообразующей роли насилия в феномене сталинизма диктует и исследовательские приоритеты. Собственно говоря, именно со споров по поводу террора начиналась новейшая историография сталинизма. Архивы позволили зафиксировать основную статистику репрессий и их механизмы. Изучается сложная иерархия террора — от кремлевского кабинета Сталина до районных отделений НКВД. Не обойдены вниманием не только политические репрессии, но и уголовная преступность, деятельность милиции и т. д.¹⁹ Изданы важные работы о национальных депортациях, о послевоенных «чистках», также имевших национальный подтекст.²⁰ Значительные результаты достигнуты и в изучении лагерной системы.²¹ Определены количественные параметры экономики принудительного труда; появилась возможность обсуждать ее качество и роль в советской индустриализации. Кризисные явления в лагерной экономике, наряду с нараставшими волнениями заключенных, рассматриваются как важный фактор «демонтажа» лагерной системы в ее сталинском варианте после марта 1953 г.²²

С концептуальной точки зрения многочисленные исследования, посвященные сталинскому террору и выполненные на основании архивных документов, нанесли существенный удар по «ревизионистским» концепциям стихийности террора и слабой причастности к нему Сталина. Зародившись в США, эти предположения получили популярность среди

¹⁹ См.: Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М., 2009; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009; Ширер Д. Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе. 1924–1953. М., 2014; Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба. М., 2004; и др.

²⁰ См.: Бугай Н. Ф. Проблемы репрессированных национальных меньшинств в российской историографии // *История и историки*. 2005. № 1. С. 3–52.

²¹ См.: История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. М., 2004–2005. Т. 1–7.

²² См.: ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М., 2005.

активистов ресталинизации в современной России, но до сих пор они не подкреплены ни единым фактом.²³ Научная историография проблемы следует за документами, которые однозначно свидетельствуют о централизованном характере репрессий, что, конечно, не умаляет важности исследования микроистории террора и его региональной специфики.

В целом, мобилизационная модель власти и социально-экономического устройства, утвердившаяся в СССР в 1920–1950-е гг., в работах последнего десятилетия предстает как централизованная структура, главными опорами которой были значительный партийно-государственный аппарат, террор и мощное идеологическое влияние. Это не означает, конечно, что уровень централизации был одинаковым во всех сферах политического и социально-экономического развития. Наибольшей жесткостью отличался контроль центра над проведением массовых операций НКВД, поскольку террор представлял собой наиболее простой в организации и осуществлении элемент государственной политики.

Более низкий уровень централизации был характерен для управления экономикой. Программы форсированного наращивания производства промышленной и сельскохозяйственной продукции нельзя было реализовать по приказу. В советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов и установление кооперативных связей между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные товарно-денежные отношения.²⁴ Определенное значение для преодоления противоречий сверхцентрализации имели остатки частного предпринимательства и «теневая экономика», исследование которых постепенно разворачивается.²⁵ Изучение практик планового управления, сочетания административно-командных методов и экономических регуляторов, горизонтальных связей между советскими предприятиями, роли нелегальных механизмов перераспределения ресурсов и наполнения

рынка, стимулирования трудовой активности и принуждения к труду остается в числе актуальных направлений историографии, развитие которых в значительной мере связано с перспективами открытия и освоения архивов контролирующих и правоохранительных органов.

Массовая поддержка режима обеспечивалась не только при помощи насилия. «Чистки» и дискриминация дополнялись периодическими попытками относительного смягчения репрессий и восстановления в правах части «чуждых» слоев населения.²⁶ Исследователи отмечают повороты идеологических канонов, в том числе отход от чисто революционной легитимности и обращение к некоторым традиционным историческим ценностям.²⁷ Значительное внимание они уделяют феномену «примирения» власти с Русской православной церковью, что вело к ослаблению нажима и на другие конфессии.²⁸ Дальнейшего изучения требуют социальные лифты, благодаря которым формировались слои населения, поддерживающие сталинский режим.²⁹ В свете подобных процессов сталинизм предстает как прагматичная диктатура, готовая не только подавлять, но и приспособливаться к реальностям.

Открытие архивов сделало возможным исследование высшей власти в СССР, механизмов принятия решений и взаимодействия Сталина со своим окружением. Это позволяет анализировать характер сталинской диктатуры, а также ее эволюцию. Утверждение единоличной власти Сталина, как показано в литературе, произошло в результате разрушения олигархического по своей сути «коллективного руководства». Однако объективные потребности оптимизации руководства вели к постоянному воспроизводству в недрах диктатуры элементов разделения полномочий между членами Политбюро. Административная автономность

²³ См.: Khlevniuk O. V. Top Down vs. Bottom-up: Regarding the Potential of Contemporary "Revisionism" // *Cahiers du Monde Russe*. 2015. Vol. 56, № 4. P. 837–857.

²⁴ См.: *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. Cambridge, 1994. P. 19, 20.

²⁵ См.: Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008; Heinzen J. *The Art of the Bribe: Corruption Under Stalin, 1943–1953*. New Have; London, 2016.

²⁶ См.: Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 гг. М., 2003; Alexopoulos G. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca; New York, 2003.

²⁷ См.: Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. М., 2009.

²⁸ См.: Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М., 2010; Одинцов М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917–1953 гг. М., 2014; Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958. М., 2016.

²⁹ Например исследование социальной сути таких явлений, как ударничество, стухановское движение и т. д., оказавшиеся теперь на периферии историографии (см.: Фельдман М. А. Место стухановского движения в предвоенной советской истории // *Вопр. истории*. 2015. № 8. С. 3–19).

соратников Сталина содержала в себе предпосылки политической самостоятельности. посредством этих механизмов формировались те практики воспроизводства коллективного руководства, которые проявили себя сразу же после смерти вождя и способствовали сравнительно безболезненной трансформации политической системы диктатуры в иную форму авторитарного устройства власти.³⁰

Таким образом, анализируя различные сферы развития сталинской системы, историки постоянно обнаруживают явления и тенденции, служившие целям ее эволюционного преодоления. Осознание необходимости перемен распространялось не только в широких слоях населения страны, о чем свидетельствуют многочисленные «письма во власть» и обзоры массовых настроений, но также и в партийно-государственном аппарате. Смерть Сталина устранила последние препятствия на пути существенных изменений, которые фактически означали «демонтаж» сталинской мобилизационной модели экономики. Изучение кризисных явлений в послевоенном развитии, аппаратных инициатив и предложений по поводу корректировки системы, а также роли массовых ожиданий и их трансляции наверх является перспективной задачей современной историографии советского периода.

В отечественных публикациях по истории заметно присутствие своеобразного фаталистического взгляда на суть исторического процесса, сведение исследовательской задачи к простым объяснениям того, почему все произошло именно так и не могло произойти иначе. Однако, отвергая экстремистские контрфактические спекуляции, совсем не обязательно, и даже вредно, свысока смотреть на проблему вариантов и случайностей. Очевидно, что история как завершившийся процесс не знает сослагательного наклонения, но историк, изучающий этот процесс, обязан его знать, если только он не следует многократно отвергнутому методу простой констатации случившегося. Любое оценочное суждение — отрицательное или положительное — невозможно вне сравнений, а следовательно, вне моделирования вариантов развития тех или иных событий. Однако выработала ли историогра-

фия рассматриваемого периода инструменты исследования вариантности? Ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным.

Не получили развития известные попытки статистического моделирования перспектив советской экономики вне коллективизации, а также другие экономические исследования контрфактического характера.³¹ Скорее поверхностно изучаются переломные этапы развития советской истории, когда альтернативы и варианты демонстрировали свою особую актуальность. Условно говоря, до сих пор сталинскому курсу как системе практических мер противопоставляется теоретик Н. И. Бухарин, а не практик А. И. Рыков, руководивший правительством, которое решало ежедневные насущные вопросы и выработывало практические рецепты, отвергаемые сталинским большинством. Этот перечень можно продолжать, включив в него исследования вариантов коллективизации, импортно-экспортной политики 1930-х гг., советского военно-стратегического руководства в годы войны, послевоенного выбора путей восстановления и развития страны, социально-экономического кризиса системы накануне смерти Сталина и многое другое. Важно подчеркнуть, что сталинский курс представлял собой чередование политики «скачков» и массового террора и ограниченных отступлений к «умеренности» и реформам. Такие колебания являются очевидным подтверждением не предполагаемой, а реальной возможности различных вариантов развития даже в рамках диктатуры.

В целом, интенсивное изучение основных явлений и событий сталинского периода советской истории на основании многочисленных источников позволило, с одной стороны, дать убедительные ответы на многие ранее не изученные вопросы, а с другой — лучше понять перспективы дальнейших исследований. В современной историографической ситуации все сильнее ощущается необходимость перехода от реконструкции событий и фиксации количественных параметров явлений и процессов к анализу качественных характеристик системы и ее отдельных элементов. Речь идет о качестве принимаемых решений, о качестве механизмов их реализации, о качественных параметрах экономического, социального

³⁰ См.: Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 2013; Fitzpatrick Sh. On Stalin's Team. The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton, 2015.

³¹ См.: Hunter H., Szyrmer J. M. Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928–1940. Princeton, 1992; Аллен Р. С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013.

и культурного развития в 1920-е — начале 1950-х гг. Принципиальное значение для дальнейших исследований имеют массовые статистические источники, экспертные оценки советских ведомств, инициативные документы о реорганизациях и реформах, материалы, свидетельствующие о практике реализации принятых решений и корректировках курса. По своей сути изучение качественных параметров системы имеют сравнительный характер. С одной стороны, для понимания сути и потенциала явлений и процессов требуется их сравнение с аналогичными явлениями

в рамках самой системы на различных этапах ее развития; с другой — важны сравнения международного характера, т. е. сопоставление политических и социально-экономических методов, применяемых для решения аналогичных задач мобилизационного индустриального развития в разных странах. Осознавая уникальность российского (как и любого другого) опыта модернизационных поворотов, не стоит забывать о справедливости историографического тезиса: историю одной отдельно взятой страны, т. е. вне международного контекста, в должной мере понять невозможно.

Oleg V. Khlevniuk

Doctor of Historical Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, Moscow)

E-mail: okhlevniuk@hse.ru

THE STALINIST PERIOD OF SOVIET HISTORY.
HISTORIOGRAPHICAL TRENDS AND UNSOLVED PROBLEMS

The paper is dedicated to the main tendencies of the development of historiography of the Soviet history of 1930s–1950s. During this period the military mobilization system was formed, and Stalin established his dictatorship. The current body of work on the Soviet history aim to study practices of social, economic, political, cultural, and national development, and less known events and phenomena due to the mass disclosure of archives and growing interest in social and cultural aspects of historiography. The Soviet historiography broadens the repertoire of approaches, including the interdisciplinary ones. On the other hand, some problems are unveiled: the interest in social and cultural issues suppressed other fields of research, primarily, economic history; some historical epochs and qualitative parameters of development are understudied. The overcoming of such historiographic breaks will determine the perspectives of Stalin’s period’s studies.

Key words: *the Stalinist period, Soviet history, Stalinism, historiography, perspectives of the study*

REFERENCES

- Alexopoulos G. *Stalin’s Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2003, 256 p. (in English).
- Allen R. S. *Ot fermy k fabrike. Novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii* [From farm to factory. A new interpretation of the Soviet industrial revolution]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, 390 p. (in Russ.).
- Artemov E. T. [Soviet atomic project in the system of “command economy”]. *Cahiers du Monde russe*, 2014, vol. 55, no. 3/4, pp. 267–294. (in Russ.).
- Atomnyy proekt v SSSR. Dokumenty i materialy* [Atomic project in the USSR. Documents and materials]. Moscow: Nauka Publ., vol. 1, part 1, 1998, 432 p.; part 2, 2002, 800 p.; vol. 2, book 1, 1999, 718 p.; book 2, 2000, 640 p.; book 3, 2002, 893 p.; book 4, 2003, 815 p.; book 5, 2005, 976 p.; book 6, 2006, 895 p.; vol. 3, book 1, 2008, 734 p.; book 2, 2009, 596 p. (in Russ.).
- Bolshaya tsenzura. Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956* [Great censorship. Writers and journalists in the Country of Soviets. 1917–1956]. Moscow: Materik Publ., 2005, 750 p. (in Russ.).
- Brandenberger D. L. *Natsional-bolshevizm. Stalinskaya massovaya kultura i formirovanie russkogo natsionalnogo samosoznaniya* [National Bolshevism. Stalin’s mass culture and the formation of Russian national identity]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2009, 416 p. (in Russ.).
- Bugay N. F. [Problems of repressed national minorities in Russian historiography]. *Istoriya i istoriki* [History and Historians], 2005, no. 1, pp. 3–52. (in Russ.).
- Bystrova I. V. *Sovetskiy voenno-promyshlennyi kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980-e gody)* [Soviet military-industrial complex: the problems of formation and development (1930–1980)]. Moscow: IRI RAN Publ., 2006, 702 p. (in Russ.).

- Davies R. W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy. 1931–1933*. Basingstoke: Macmillan, 1996, 612 p. (in English).
- Davies R. W. *The Years of Progress: the Soviet Economy, 1934–1936*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014, 496 p. (in English).
- Decision-Making in the Stalinist Command Economy. London: Macmillan, 1997, 331 p. (in English).
- Devis R., Uitkroft S. *Gody goloda. Selskoe khozyaystvo SSSR, 1931–1933* [Years of hunger. Agriculture of the USSR, 1931–1933]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, 543 p. (in Russ.).
- Esakov V. D., Levina Ye. S. *Stalinskie «sudy chesti». «Delo “KR”»* [Stalin’s “courts of honor”. “The Case of the KR”]. Moscow: Nauka Publ., 2005, 423 p. (in Russ.).
- Feldman M. A. [The place of the Stakhanov movement in the prewar Soviet history]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2015, no. 8, pp. 3–19. (in Russ.).
- Fitzpatrick Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody. Gorod* [Casual Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 1930s. City]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, 336 p. (in Russ.).
- Fitzpatrick Sh. *Stalinskie krestyane. Sotsialnaya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody. Derevnya* [Stalin’s peasants. The social history of Soviet Russia in the 1930s. Village]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001, 422 p. (in Russ.).
- Fitzpatrick Sh. *On Stalin’s Team. The Years of Living Dangerously in Soviet Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2015, 384 p. (in English).
- Gregori P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [Political Economy of Stalinism]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 400 p. (in Russ.).
- Gulag. *Ekonomika prinuditelnogo truda* [The Gulag. The Economics of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, 320 p. (in Russ.).
- Heinzen J. *The Art of the Bribe: Corruption Under Stalin, 1943–1953*. New Have; London: Yale University Press, 2016, 416 p. (in English).
- Hellbeck J. *Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin*. Cambridge MA: Harvard University Press, 2006, 448 p. (in English).
- Hunter H., Szyrmer J. M. *Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928–1940*. Princeton: Princeton University Press, 1992, 356 p. (in English).
- Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, 674 p. (in Russ.).
- Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh — pervaya polovina 1950-kh godov* [The history of Stalin’s Gulag. The end of the 1920s — the first half of the 1950s]. Moscow: ROSSPEN Publ., vol. 1, 2004, 728 p.; vol. 2, 2004, 696 p.; vol. 3, 2004, 624 p.; vol. 4, 2004, 624 p.; vol. 5, 2004, 824 p.; vol. 6, 2004, 736 p.; vol. 7, 2005, 712 p. (in Russ.).
- Khaustov V. N., Samuelson L. *Stalin, NKVD i repressii. 1936–1938 gg.* [Stalin, the NKVD and repression. 1936–1938]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009, 432 p. (in Russ.).
- Khlevniuk O. V. [Top Down vs. Bottom-up: Regarding the Potential of Contemporary “Revisionism”]. *Cahiers du Monde Russe*, 2015, vol. 56, no. 4, pp. 837–857. (in English).
- Khlevniuk O. V., Gorlitskiy Y. *Kholodnyy mir. Stalin i zavershenie stalinskoy diktatury* [Cold world. Stalin and the end of Stalin’s dictatorship]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, 231 p. (in Russ.).
- Kolkhoznaya zhizn na Urale* [Kolkhoz life in the Urals]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, 912 p. (in Russ.).
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995, 639 p. (in English).
- Livshin A. Ya. *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii. 1917–1932 gg.* [Moods and political emotions in Soviet Russia. 1917–1932]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, 343 p. (in Russ.).
- Markevich A. M., Sokolov A. K. *«Magnitka bliz Sadovogo koltsa»: Stimuly k rabote na Moskovskom zavode «Serp i molot», 1883–2001 gg.* [“Magnitogorsk near the Garden Ring”: Incentives for work at the Moscow plant “Hammer and Sickle”, 1883–2001]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005, 368 p. (in Russ.).
- Martin T. *Imperiya «polozhitelnoy deyatelnosti». Natsii i natsionalnosti v SSSR. 1923–1939* [The empire of “positive activity”. Nation and nationality in the USSR. 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, 855 p. (in Russ.).

Mayner S. M. *Stalinskaya svyashchennaya voyna. Religiya, natsionalizm i soyuznicheskaya politika. 1941–1945* [Stalin's holy war. Religion, nationalism and allied politics. 1941–1945]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, 455 p. (in Russ.).

Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki [The population of Russia in the 20th century: Historical essays]. Moscow: ROSSPEN Publ., vol. 1, 2000, 463 p.; vol. 2, 2001, 415 p.; vol. 3, book 1, 2005, 304 p.; vol. 3, book 2, 2011, 295 p.; vol. 3, book 3, 2012, 399 p. (in Russ.).

Odintsov M. *Russkaya pravoslavnaya tserkov nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma 1917–1953 gg.* [The Russian Orthodox Church on the eve and in the era of Stalin's socialism of 1917–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2014, 425 p. (in Russ.).

Osokina E. A. *Za fasadom «stalinskogo izobilija». Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin's abundance”. Distribution and market in supplying the population in the years of industrialization 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 271 p. (in Russ.).

Pechatnov V. O., Magadeev I. E. *Perepiska I. V. Stalina s F. Ruzveltom i U. Cherchillem v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Dokumentalnoe issledovanie* [Correspondence of J. V. Stalin with F. Roosevelt and W. Churchill during the Great Patriotic War. Documentary research]. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2015, vol. 1, 656 p.; vol. 2, 814 p. (in Russ.).

Pikhoya R. G. *Zapiski arkheografa* [Archaeograph notes]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2016, 476 p. (in Russ.).

Plamper Ya. *Alkhimiya vlasti. Kult Stalina v izobrazitelnom iskusstve* [Alchemy of power. The cult of Stalin in the visual arts]. Moscow: NLO Publ., 2010, 496 p. (in Russ.).

Pollock E. *Stalin and the Soviet Science Wars*. Princeton: Princeton University Press, 2006, 288 p. (in English).

Rokkuchchi A. *Stalin i patriarkh: Pravoslavnaya tserkov i sovetskaya vlast, 1917–1958* [Stalin and the Patriarch: Orthodox Church and Soviet Power, 1917–1958]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2016, 582 p. (in Russ.).

Rossmann J. *Worker Resistance Under Stalin. Class and Revolution on the Shop Floor*. Cambridge MA; London: Harvard University Press, 2005, 326 p. (in English).

Shirer D. R. *Stalinskiy voennyi sotsializm. Repressii i obshchestvennyy poryadok v Sovetskom Soyuze. 1924–1953* [Stalin's military socialism. Repression and public order in the Soviet Union. 1924–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2014, 543 p. (in Russ.).

Simonov N. S. *Voенно-promyshlennyi kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [The military-industrial complex of the USSR in the 1920s–1950s: the pace of economic growth, the structure, organization of production and management]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996, 336 p. (in Russ.).

Smirnova T. M. *«Byushie lyudi» Sovetskoy Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gg.* [“Former people” of Soviet Russia. Survival strategies and ways of integration. 1917–1936]. Moscow: Mir istorii Publ., 2003, 298 p. (in Russ.).

Smith J. *Red Nations. The National Experience in and after the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, 412 p. (in English).

Sokolov A. K. *Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost. 1917 – iyun 1941 gg.* [From the military industry to the military-industrial complex: the Soviet military industry. 1917 – June 1941]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2012, 527 p. (in Russ.).

«Sovershenno sekretno»: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [“Top Secret”: Lubyanka – Stalin on the situation in the country (1922–1934)]. Moscow: IRI RAN Publ., vol. 1, part 1, 2001, 490 p.; part 2, 612 p.; vol. 2, 2001, 511 p.; vol. 3, part 1, 2002, 495 p., part 2, 471 p.; vol. 4, part 1, 2001, 704 p., part 2, 486 p.; vol. 5, 2003, 798 p.; vol. 6, 2002, 795 p.; vol. 7, 2004, 767 p.; vol. 8, part 1, 2008, 863 p.; part 2, 870 p.; vol. 9, 2013, 894 p. (in Russ.).

Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD. 1918–1939 [The Soviet village through the eyes of the Cheka – the OGPU – the NKVD. 1918–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., vol. 1, 2000, 864 p.; vol. 2, 2000, 1167 p.; vol. 3, book 1, 860 p.; vol. 3, book 2, 840 p.; book 4, 2012, 983 p. (in Russ.).

Sovetskaya zhizn. 1945–1953 gg. [Soviet life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003, 720 p. (in Russ.).

Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York: W.W. Norton, 1977, 332 p. (in English).

Stalinizm v sovetskoy provintsii: 1937–1938 gg. Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447 [Stalinism in the Soviet Province: 1937–1938. Mass operation based on order № 00447]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009, 927 p. (in Russ.).

The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, 416 p. (in English).

Torkunov A. V. *Zagadochnaya voyna: koreyskiy konflikt 1950–1953 godov* [Mysterious war: the Korean conflict of 1950–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000, 312 p. (in Russ.).

Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939 [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. 1927–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., vol. 1, 1999, 878 p.; vol. 2, 2000, 926 p.; vol. 3, 2001, 1007 p.; vol. 4, 2002, 1055 p.; vol. 5, book 1, 2004, 648 p.; book 2, 2006, 704 p. (in Russ.).

Vatlin A. Yu. *Terror rayonnogo masshtaba* [Terror on a regional scale]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, 288 p. (in Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 [The Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., vol. 1, 2015, 976 p.; vol. 2, 2015, 864 p.; vol. 3, 2012, 864 p.; vol. 4, 2012, 864 p.; vol. 5, 2013, 864 p.; vol. 6, 2013, 864 p.; vol. 7, 2013, 864 p.; vol. 8, 2014, 864 p.; vol. 9, 2014, 864 p.; vol. 10, 2014, 864 p.; vol. 11, 2015, 864 p.; vol. 12, 2015, 864 p. (in Russ.).

Viola L. *Krestyanskiy bunt v epokhu Stalina* [Peasant rebellion in the Stalin era]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, 368 p. (in Russ.).

Vlast i khudozhestvennaya intelligentsiya [Power and the artistic intelligentsia]. Moscow: Materik Publ., 1999, 869 p. (in Russ.).

Za ramkami totalitarizma. Sravnitelnye issledovaniya stalinizma i natsizma [Beyond the limits of totalitarianism. Comparative studies of Stalinism and Nazism]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, 682 p. (in Russ.).

Zhuravlev S. V., Mukhin M. Yu. «Krepost sotsializma»: *Povsednevnost i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg.* [“Fortress of Socialism”: Everyday life and motivation of work at a Soviet enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, 240 p. (in Russ.).

Zubkova E. Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo. Politika i povsednevnost. 1945–1953* [Post-war Soviet society. Politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999, 229 p. (in Russ.).

Zubok V. M., Pechatnov O. V. [Domestic historiography of the “cold war”: some results of the decade]. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2003, no. 4, pp. 143–150; no. 5, pp. 139–148. (in Russ.).